

Тыловая наука

БЫЛОЕ

Знаете, как слесари-ремонтники помогали фронту?

Я в сорок первом окончила семилетку и подала документы в индустриальный техникум. А тут война, и наши документы передали в ремесленное училище № 1. Меня зачислили в группу слесарей-ремонтников. В группе одни девочки по пятнадцать лет. Выдали нам форму — черную шинель, шапочку, ботинки, ремень с эмблемой училища. Закрепили за каждым рабочее место в аудитории: стол со слесарным станком. Выдали инструменты: молоток, зубило, напильники разных насечек... Началась трудовая жизнь.

Мастером у нас был Михаил Корнилов из Днепропетровска, а после него обучал Александр Шевляков. Первая деталь, которую нас учили обрабатывать, — кувалда, тут мы научились владеть зубилом. Потом — работа потоньше: гаечные ключи всех размеров, затем плоскогубцы. Последняя деталь — ключики для танков. Готовые детали сдавали мастеру, их отправляли на отжиг. Работали добросовестно: понимали — для фронта. Через год перешли на изготовление оборонной продукции М-82: освоили отливку корпусов мин. Приемка была строгой: качество оценивал военпред Лебедев. Еще через год нас распределили по цехам — мы считались уже опытными. О нас заботились: кормили для военного времени очень хорошо. Даже сейчас помню, что в меня были галушки и борщ.

Позднее два года учебы в ремесленном в стаж не вошли, хотя на этой учебе не было преподавателей и преподавания, не было выполнено в тетрадке ни одного упражнения, ни разу не довелось взять в руки карандаш или ручку. Учеба представляла собой только тяжелую и ответственную работу, в том числе в ночные смены...

По окончании войны я все-таки поступила в индустриальный техникум. Окончив его, до самой пенсии работала в ОТК ММК контрольным мастером. Конечно, не я одна прошла такой путь...

Поздравляю всех тружеников военных лет с приближающимся праздником Победы. Здоровья вам!

Валентина КРЯЖОВА,
ветеран войны.

...1940 ГОД. Наша семья из Забайкалья перебралась в Сухиничи Калужской области. В сорок первом отец ушел на фронт, а мы остались с мамой: мне — десять лет, брату — семь, сестре — пять. Вскоре Сухиничи почти без боя сдали немцам: победоносно, на мотоциклах, въехали они в город. А освобождали город тяжело, с боями и большими потерями. Наши наступали по голому полю со стороны ближней деревни, а немцы засели в поездах, в домах — у них было значительное преимущество. Мы укрылись в подвале дома на окраине и просидели в нем десять дней, а рядом, на поле, всего в километре, все это время шли жестокие бои.

Когда наши солдаты добрались до дома, где мы укрывались, нам пришлось уходить, чтобы не попасть под обстрел. Мама вывела нас на улицу ночью, а там светло от ракет, как днем. Наверное, нас увидели с обеих сторон, и пока мы шли, стрельба прекратилась. Мы напра-

Разве такое забудешь...

В десять лет я оказалась в концлагере для военнопленных

отправили нас в следующую деревню: в степи на снегу человека изда- лека видно, а с рассветом появля- лись фашистские самолеты и рас- стреливали с воздуха любого — хоть солдата, хоть ребенка.

Так мы шли ночами от деревни к деревне подальше от фронта к зна- комой учительнице в Сосновку — это

**Мой отец защищал
Москву и погиб
в сорок первом**

их: в любой дом в незнакомой де- ревне заходили, и нас принимали как родных, долгожданных. Обогреют, накормят, поделятся всем, что име- ют, хотя деревни тогда жили бедно. Идешь ночью — холодно, голодно, согревает только надежда найти временный приют. Бывало, ужас охватывал, когда видели, что впе- реди, куда мы шли с надеждой, гор- рит деревня...

До Сосновки мы все-таки добра- лись. В деревне на десять дворов жизнь, как и у нас, скитальцев, шла ночью. Однажды вывели днем ло- шадей напоить, а их всех перестре- ляли с самолета. И мы от немцев не скрылись: ночью фашисты нагря-

нули в Сосновку. Всех жителей вы- вели из домов и повели. Куда? Ник- то не знал. Так в сорок втором мы оказались в брянском концлагере для военнопленных.

...Огромные бараки, ряды нар до потолка забиты женщинами и деть- ми. Много детей. Они первыми на- чали умирать. Сначала

маленькие — кто млад- ше пяти. Потом кто по- старше. Пленные сол- даты тоже мучились от голода. Они жгли го- лые кости и сосали их.

Невыносимо было все это видеть.

Не хочу вспоминать. Не могу...

Сразу после освобождения из концлагеря сестра умерла. Мой отец, Софронов Александр Яковле- вич, защищал Москву и погиб в со- рок первом от ран на месте боев. Вместе с 89 солдатами похоронен в братской могиле в деревне Колуба- кино Рузского района Московской области. Я ездила на его могилу, сто- яла там, где они стояли насмерть. Разве такое забудешь...

Любовь СОФРОНОВА,
когда-то несовершеннолетний
узник фашистского концлагеря,
теперь ветеран труда,
пенсионерка.

Мечтали играть вместе

ДЕТИ ВОЙНЫ

Как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь рас- сказал, как погиб мой отец — Иван Васильевич Пономарев. Вначале он воевал под Архангельс- ком, с войны прислал всего один снимок. До 6 июня 1944 года он воевал под Мурманском. Помню, пришло известие, что папа пропал без вести. Как убивалась мама!.. Не хотела верить, что он не вернется. Я тоже ждала его. Выросла — пыталась узнать, где он погиб. Мне отвечали: погиб, как тысячи других, не было возможности учесть все потери. Я выслала его фото в про- грамму «Жди меня», но результата нет. Только воспоминания.

...Провожали мобилизованных от клуба. В

роше возле здания поставили столы с угощени- ем, скамейки. Был июль: помню малину на сто- лах. Потом их посадили в полуторки и увезли. Мы с плачем пошли по домам. Осталась наша мама с нами: брату — шесть, мне — четыре, а млад- шенькой — полтора года.

Как мы пережили войну? За несколько лет полсела вымерло — почти все, у кого не было коров. И нас только молоко спасло. Была у нас комолая коровка, которая и молоко давала, и тягловой силой была: мы на ней и сено, и дрова возили. Были у нас еще козел и коза. Но какой начисляли натуральный налог! Никто не спра- шивал, есть ли у семьи скот и птица. Сдавай сме- тану, масло, шерсть, яйца — и все!

Кормились с огорода да собирали всякую

траву. Мама сушила ее, молола, добавляла чуть- чуть муки и пекла лепешки. Жарили желуди, со- бирали по снегу мерзлую картошку, неубран- ные подсолнухи, колоски. И все же мы были деть- ми. Играли в войну, в лапту, в клек. Летом бега- ли на речку, собирали ягоды-грибы — опять рос- ли прямо за околицей...

В сорок седьмом меня привезли в Магнитку. И здесь было несладко: за хлебом занимали очередь с ночи. Жили трудно, пока в пятьдесят четвертом я не пошла работать. Тогда стало легче...

...Не отпускает меня то военное время. И еще: жаль березовой рощи, что шумела возле клуба, — вырубили ее.

Валентина ПОНОМАРЕВА.

Рыбки на деревьях

МАМИН РАССКАЗ

Я была самым поздним ребенком в семье: маме было 38 лет, а отцу — 47, когда я родилась. Очень часто мои родители вместо сказок рассказыва- ли мне истории из своей непростой жизни. Детская память цепко их «ух- ватила», и теперь, много лет спустя, они вдруг стали «проявляться». И хотя мои родители давно в мире ином, озвучены эти рассказы их родными голосами. Вот один из маминых рас- сказов:

Военные зимы отличались особой суровостью. Мороз градусов под сорок да ветер, от которого не спря- таться, не скрыться... Перед рассве- том, в самый мороз, Мария идет к магазину, чтобы успеть к переключке в очереди. Номер заняла соседка, но утром нужно отмечаться всем.

Встречный ветер свистит, как Со- ловой-разбойник, пробирается под одежду, леденит тело. Вот и магазин.

В очереди, в основном, женщины да дети. На детских ладошках химичес- ким карандашом выведен номер оче- реди. При виде девочки, стоящей впереди, душа Марии сжимается: «Как там Нина? Сумею ли вырвать- ся к ней сегодня?» Ее маленькая доч- ка Нина, рожденная в 1939 году, в первые дни войны была устроена в круглосуточный детский сад. Ма- рия, работавшая на комбинате, за- частую не имела возможности забрать ее даже по выходным: работать при- ходилось без отдыха, да и в промер- зшем бараке ребенок мог простыть. Встречи проходили в фойе детского сада, куда мать прибегала в переры- вах между сменами.

Рабочим комбината, кроме рабо- чей карточки, полагался горячий обед в столовой. Зайдя в столовую, они отогревали не только свои замер- зшие руки и ноги. Казалось, что от- таивает и душа — от тепла, от горяче- го обеда, от воспоминаний о доме.

Отправляясь в столовую, Мария прихватывала с собой баночку. По- лучив обед, она, не дожидаясь, пока остынет второе, бережно складыва- ла его в баночку и укутывала фу- файкой. Сама обедала тарелкой супа с кусочком хлеба — второй кусочек нужно отнести Нине — и горячим чаем. Спрятав драгоценный обед за пазухой, Мария спешила к дочке в детский сад и, вызвав ее из группы, давась слезами, смотрела, как ее до- чурка буквально проглатывает при- несенное на обед. Дочка оглядыва- лась, как затравленный зверек, бо- ясь, что у нее отберут еду. Душа раз- рывалась от боли: ребенок растет без материнской ласки, от мужа Романа нет никаких известий. Позднее при- шло извещение, что он пропал без вести в октябре 1941 года. Угостить бы дочку конфеткой или яблочком — да где их возьмешь?

Эти горькие мысли и воспомина- ния кружились в голове в долгие часы ожидания. Но вот очередь за-

шевелилась — приехала машина с хле- бом. Значит, стоим не зря. Вспомни- лось письмо из деревни, в котором, кроме долгих поклонов от многочис- ленной родни, настойчивая просьба бабушки привезти Нину в деревню — корова-кормилица поможет, да и огород свой. Но решение оставить дочку рядом с собой возникло сра- зу: там, в деревне, никогда не жили богато — зачем же им лишний рот? А вдруг вернется Роман и спросит про Нину, укорит: «Что же ты за мать?» И в очередной раз Мария подума- ла: «Нет, пусть будет трудно, но доч- ка останется со мной. У меня в Маг- нитке нет ни одной родной души, кроме нее, моей кровиночки».

... Вот и магазин открылся. Оче- редь зашевелилась. Все мечтали по- быстрее зайти внутрь: пусть не теп- лее, но нет пронизывающего ветра. Достав карточки, Мария опасливо оглянулась — нет ли поблизости во- рошек. В городе орудовали шайки карманников, крадущих драгоцен- ные продуктовые карточки. Подой- дя к прилавку, солдатка посмотре- ла, что можно отоварить сегодня. Из круп — вечная перловка, которую за ее жесткость прозвали «кирзовкой»,

сахара опять нет. Хорошо, что хлеб подвезли. Взгляд упал на рыбу: «Боже, неужели нет другой рыбы, кроме этой одноглазой? Нет, не буду брать, подожду до конца месяца».

Получив хлеб и спрятав его на тру- ди, Мария направилась к выходу. За- кутавшись и сжавшись в комок, она решительно шагнула навстречу вет- ру. На улице рассвело. Ее не удивило, что деревья близ магазина, словно новогодние елки, увешаны рыбой. На карточки давали соленую камбалу, которую народ презрительно назы- вал «одноглазой» и почему-то упор- но отказывался есть. Уже много лет спустя Мария часто вздыхала и удив- лялась сама себе: «Почему же мы ее не ели? Ведь можно было из нее суп сварить. Так нет, варили суп из хлеба, а камбалу не ели».

...Мамин рассказ прочно отпеча- тался в моей памяти: ведь в детстве я часто просила ее рассказать про ры- бок на деревьях. Мне казалось забав- ным, что рыбки висели на деревьях, будто елочные игрушки. Своим детс- ким умишком я тогда и не подозрева- ла, как тяжело было маме вспоминать то далекое и горькое время.

Наталья ТРОИЦКАЯ.